

6. Медведская Е. И.,
канд. психол. наук, доцент,
профессор кафедры социальной работы
УО «БрГУ имени А.С. Пушкина»
(г. Брест, Республика Беларусь)

УДК 159.95

ДЕФОРМАЦИЯ МЫШЛЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ АКТИВНЫХ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ: ПРОЯВЛЕНИЯ И ТИПЫ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взрослых, отдающих предпочтение разным системам кодирования информации: вербальной (печатное чтение) и цифровой (интернет-практики). Правильность логических рассуждений оценивалась посредством методики «Сложные аналогии». Логические рассуждения у взрослых активных интернет-пользователей достоверно хуже, чем у любителей печатного чтения. Деформация мышления представлена в двух типах: «снижение правильности логических рассуждений» и «существенное ухудшение логики рассуждений с доминированием нарушений понимания синонимичных связей».

Ключевые слова: логическое мышление, взрослые, печатное чтение, интернет-практики, когнитивные деформации.

2. Medvedskaya E. I.,
PhD. Psychology, Associate Professor,
Professor of the Department of Social
Work UO "BrSU named after A.S. Pushkin"
(Brest, Republic of Belarus)

DEFORMATION OF THINKING OF ADULTS ACTIVE INTERNET USERS: MANIFESTATIONS AND TYPES

Annotation. The article presents the results of a study of adults who prefer different information coding systems: verbal (printed reading) and digital (Internet practices). The correctness of logical reasoning was assessed using the "Complex Analogies" technique. The logical reasoning of adult active Internet users is significantly worse than that of print readers. The deformation of thinking is presented in two types: "decrease in the correctness of logical reasoning" and "significant deterioration in the

logic of reasoning with the dominance of violations of the understanding of synonymous relationships”.

Key words: logical thinking, adults, printed reading, Internet practices, cognitive deformations.

За последние два десятилетия Интернет не только создал совершенно новую социокультурную ситуацию, но и разделил современность на две эпохи: «доцифровую» и «цифровую». Согласно базовой идее культурно-исторической психологии о средовой детерминации высших психических функций, в новой цифровой эпохе познавательные процессы также начинают функционировать по-новому. В фокусе внимания исследователей находятся дети и молодые люди, эмпирические данные о познавательных процессах которых либо противоречивы, либо не очень оптимистичны по сравнению с их доцифровыми ровесниками [1; 2]. Взрослые только эпизодически появляются в поле интересов ученых, хотя век назад психология уже попадала в ловушку игнорирования самого продуктивного периода онтогенеза, следуя за мнением швейцарского психолога Э. Клапареда, обозначившего его как «период психической окаменелости». Несправедливость этой оценки в последующем была доказана целым рядом исследователей. Например, Б. Г. Ананьевым и его сотрудниками была установлена зависимость состояния различных функций, в том числе и познавательных, от вида профессиональной деятельности взрослого человека [3]. И если познавательные функции взрослых в принципе изменяются, то логично предположить, что они изменяются и во взаимодействии с Интернетом.

Результаты отдельных исследований, а также жизненная фактология, состоящая в росте жалоб на различные когнитивные затруднения (типа «Столько информации, что голова взрывается», «Не помню, где видел...», «Не могу сообразить...», «В голове ничего не держится...» и т. п.) в сочетании с отсутствием восторгов по поводу усиления своих интеллектуальных способностей, позволяют предполагать, что интенсивные интернет-практики негативно воздействуют на когнитивные процессы взрослых людей. И это воздействие имеет систематический и усиливающийся характер, обусловленный все большей цифровизацией различных сторон жизни современного человека, который обобщенно можно назвать деформирующим. В соответствии с генетическим законом, если это воздействие действительно имеет негативный или деформирующий характер, то в первую очередь нарушения будут проявляться в иерархически высшем звене психической функции. Проверка идеи о деформирующем интернет-влиянии на логическое мышление взрослых является целью проведенного эмпирического исследования.

Организация исследования

Возможности эмпирической проверки указанной гипотезы имеют существенные объективные ограничения. Для ответа на поставленный вопрос идеально подошло бы лонгитюдное исследование (но сроки его организации уже необратимо упущены) или истинный эксперимент (в организации которого возникает проблема создания контрольной группы, поскольку сегодня фактически невозможно найти тех, кто не взаимодействует с Интернетом). Поэтому доступным дизайном исследования остается квазиэксперимент по плану *ex-post-factum*. В этом

плане в качестве независимой переменной выступает некоторое реальное жизненное событие (в нашем случае – появление Интернет), а дифференциация контрольной и экспериментальной групп проходит по критерию практик обращения к разным знаковым системам кодирования информации (печатной или цифровой).

Участниками исследования, которое проводилось с 2019 по 2022 г., стали 385 взрослых, обладающих следующими характеристиками:

- возраст от 37–38 до 60 лет (т.е. завершение основных циклов когнитивного развития в доцифровую эпоху и принадлежность к периоду средней взрослости);
- наличие высшего образования;
- работа в сфере интеллектуальных профессий (педагоги, инженеры, библиотекари, бухгалтеры и др.).

Названные характеристики обеспечивают частичный контроль исходного, довольно высокого уровня когнитивных процессов взрослых участников исследования и гарантируют их регулярную востребованность в профессиональной деятельности.

Дифференциация контрольной и экспериментальной групп осуществлялась посредством анкетирования, представляющего ряд свободных ответов о реализуемых практиках обращения к разным информационным носителям. Отнесение к группе осуществлялось на основе двух ведущих критериев: выбор источника информации в свободное время (книга или Интернет) и количество времени, уделяемое взаимодействию с ним. В итоге было образовано две группы по 50 человек:

контрольная, которая в дальнейшем обсуждении будет обозначаться как читатели: возраст $48,77 \pm 6,23$, 22 мужчины и 28 женщин;

экспериментальная, которая представлена активными интернет-пользователями, фактически исключившими из своей жизнедеятельности традиционное, печатное чтение: возраст $45,54 \pm 5,03$, 22 мужчины и 28 женщин.

Любители новых форматов электронного чтения, как и те взрослые, которые одинаково успешно пользуются разными системами кодирования информации были исключены. Определенная переизбыточность общей выборки обусловлена малым количеством тех, кто сохраняет в своей практике привычку печатного чтения (12 %). Исследование проводилось в групповой форме на занятиях по повышению квалификации (Брестский областной институт развития образования, Брестское областное управление культуры, РУП «Брестские электросети» и др.).

Изучение логического мышления осуществлялось посредством методики «Сложные аналогии», которая направлена на «выделение сложных, абстрактных логических отношений» [4, с. 85] и является «полезной для выявления соскальзываний, внешних паралогичных умозаключений» [5, с. 115]. В силу своей сложности она используется преимущественно для лиц, имеющих среднее и высшее образование [4, с. 85; 5, с. 114]. Методика позволяет фиксировать неправильность понимания логических отношений, а также диффузность и расплывчатость мысли при правильном их понимании.

Стимульный материал представлен в табличной форме на бланке. Он содержит шесть пар слов в образце, связанных между собой определенными логи-

ческими отношениями, к которым прилагается список из 18 пар слов. В соответствии с инструкцией необходимо вписать в бланк напротив образца номера тех пар слов, которые имеют аналогичные связи и объяснить свой выбор (по возможности). Обработка индивидуальных протоколов состояла в подсчете допущенных ошибок, которыми считались отсутствие правильной связи и приписывание неправильной.

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась посредством следующих процедур.

1. Оценка межгрупповых различий в профилях допущенных ошибок.

2. Дисперсионный анализ (ANOVA), позволяющий в некоторой степени заменить отсутствующую процедуру рандомизации групп за счет проверки следующей нулевой гипотезы: индивидуальные различия между испытуемыми в выполнении методики являются не более выраженными, чем различия, обусловленные иными, случайными причинами. Зависимой переменной выступают профили ошибок разного вида, допущенные в конкретной группе при выполнении методики, а собственно фактором – номинативная шкала, в которой кодировались эти виды ошибок.

3. Корреляционный анализ ошибок и возраста участников исследования (r Спирмена), позволяющий контролировать угрозу полученному выводу со стороны инволюционного фактора.

4. Расчет коэффициента деформации. Наличие «доцифровых» диагностических нормативов выполнения методики позволяет математически определить величину эффекта ухудшения состояния логического мышления, обозначив его как коэффициент деформации. Этот коэффициент можно рассчитать как соотношение полученных эмпирических данных с имеющимися нормативами выполнения методики взрослыми «доцифровой» эпохи. Если коэффициент ниже единицы, то деформация отсутствует, поскольку показатели близки или даже лучше нормативных. И, соответственно, чем больше коэффициент превышает единицу, тем больше и деформация.

5. Кластерный анализ как метод многомерного анализа, позволяющий решать «проблему выделения однородных групп» [6, с. 12] при исходной неопределенности имеющихся данных применялся для определения типов деформаций. Кластерный анализ осуществлялся посредством двух процедур. Первая – иерархический кластерный анализ, «использующийся как предварительный для определения числа классов» [7, с. 72]. Процедура кластеризации осуществлялась посредством стратегии группового среднего, которая не искажает пространство значений в отличие от других популярных в психологических исследованиях стратегий кластеризации (метод ближайшего соседа его сужает, метод дальнего соседа, напротив, растягивает). Вторая процедура кластеризации – метод k -средних, представляющий собой проверку выделенных посредством иерархического анализа классов, и позволяющий точно отнести конкретный измеренный объект к определенному классу на основе расчета дисперсии.

Все статистические расчеты осуществлялись посредством программы SPSS v. 19.

Результаты и их обсуждение

Методика «Сложные аналогии» полностью оправдывает свое название, поскольку из 100 участников исследования не было ни одного человека, установившего все логические связи абсолютно верно. В таблице 1 представлены усредненные данные о количестве ошибок в разных выборках.

Таблица 1 – Ошибки в установлении сложных аналогий ($M \pm \sigma$)

Образец	Взрослые	
	Читатели	Интернет-пользователи
Овца – стадо	0,88±1,27	2,7±1,58
Малина – ягода	1,12±1,18	2,6±1,74
Море – океан	1,86±1,14	3,48±1,19
Свет – темнота	0,78±0,81	2,42±1,84
Отравление – смерть	0,8±0,78	2,14±1,52
Враг – неприятель	1,66±1,57	3,8±2,08
Σ	7,12±4,66	17,18±7,44

Наиболее точными в логических рассуждениях, согласно данным таблицы 1, являются читатели. Лучше всего взрослые обнаруживают антонимичные («свет – темнота») и причинно-следственные («отравление – смерть») отношений. Хуже всего, независимо от принадлежности к конкретной группе, участники исследования справились с обнаружением двух типов логических связей: количественных («море – океан») и синонимичных («враг – неприятель») отношений.

Трудности в правильном установлении количественных отношений полностью отвечают наблюдениям С. Я. Рубинштейн, отмечающей, что «соотношения понятий “бережливость – скупость” и “прохлада – мороз” редко выполняются без помощи экспериментатора» [5, с. 117]. В разных группах фактически одинаково присутствуют два типа ошибок: пропуски правильных взаимосвязей и приписывание неправильных. Наиболее распространенной ошибкой для респондентов выступало соскальзывание на родо-видовые («слово – фраза») или на синонимичные («свобода – независимость») отношения.

Трудности обнаружения синонимичных отношений у респондентов разных выборок сочетаются с относительной легкостью в установлении антонимов («свет – темнота»). В литературе (в том числе и по психолингвистике) не обнаружено каких-либо указаний на специфичность понимания этих лексических единиц. Чаще всего синонимы и антонимы упоминаются рядоположенно, в буквальном смысле через запятую: и в практическом плане в качестве важнейших инструментов развития речи детей с ее нарушениями, и в теоретическом в качестве языковых конструкторов, отражающих «непосредственные содержательные связи между значениями» [8, с. 297]. Можно предложить несколько гипотетических объяснений установленным различиям в понимании синонимичных и антонимичных отношений.

Первое: в контексте операций мышления обсуждаемые лексические единицы можно соотнести с операцией сравнения, предполагающей выявление общего (синонимы) и различий (антонимы). По мнению С. Л. Рубинштейна сравнение является первичной формой познания, выступая одной из сторон «основной операции мышления – “опосредования”» [9, с. 399]. И если присутствует определенный дисбаланс в этой элементарной мыслительной операции, то закономерно

прогнозировать сложности и в операциях высшего уровня (обобщение и абстрагирование).

Второе объяснение: в контексте организации значений в сознании субъекта ни одно из них не существует изолировано, само по себе, а только в некоей системе, определенном континууме значений. Говоря словами Ю. М. Лотмана, в означивании какого-либо объекта «исходной точкой оказывается не единичная модель, а семиотическое пространство» [10, с. 146], а сам процесс осознания этого объекта подразумевает его включение «в некоторый смысловой ряд, определяющий наборы синонимов и антонимов» [там же, с. 139]. Продолжая идею Ю. М. Лотмана можно думать, что именно антонимы выступают полюсами этого пространства, поэтому и выше точность их понимания как своеобразных границ; синонимы же скорее определяют его наполнение, содержание.

Участниками обеих групп вид логических связей определялся преимущественно верно. Так, взаимосвязь в паре «овца – стадо» объясняется как «часть и целое», «один и много», в паре «малина – ягода» как родо-видовые отношения, классификация, уточнение, определение или «что-то конкретное в общем». Отношение в паре «море – океан» в основном правильно описывается как увеличение свойств/объема, «от маленького – к большому». Пара «свет – темнота» характеризуется как антонимы, противопоставление, противоположные свойства/значения; пара «отравление – смерть» как причина – результат, итог, последствия, причинно-следственные отношения. И последняя пара «враг – неприятель» в подавляющем большинстве точно определяется как синонимы или близкие (равнозначные) понятия.

В группе интернет-пользователей чаще фиксируются соскальзывания мышления, заключающиеся в эпизодической замене логических рассуждений обращением к эмоционально-чувственному или наглядно-практическому опыту. Например, к образцу «овца – стадо» приписывается пара «грядка – огород» с пояснением «Овцы ходят в огород» (мужчина, 45 лет). С парой «море – океан» соотносится пара «свобода – независимость», которая объясняется так: «Хочу на море, без семьи, например, с подругой» (женщина, 40 лет). К паре «отравление – смерть» приписывается связка «покой – движение», т. к. «От этих слов холод идет» (женщина, 42 года) или связка «прохлада – мороз», поскольку «Думаю, что на том свете мороз» (мужчина, 45 лет).

Однако в разных выборках встречались и единичные протоколы, демонстрирующие паралогичность рассуждений, проявившуюся в каждом виде логических связей.

В выборке читателей единичный пример подобных рассуждений выглядит следующим образом. Женщина (51 год) к паре «овца – стадо» неверно относит связки «десять – число» и «похвала – брань» со следующим объяснением: «Одинаковое количество одинаково думающих людей – стадо». К паре «малина – ягода» она ошибочно приписывает пару «грядка – огород» и верно «пение – искусство». Связываются они таким образом: «Сладкое пение как искусство, а ягода – малина – сладко и вкусно». К количественным отношениям абсолютно верно подобраны аналогии (хотя именно здесь допускается максимальное количество ошибок), но разъяснения даны скорее наглядно-чувственного характера: «Море спокойное, океан – что-то большое, огромное, всегда в движении». Такие

же причудливые объяснения имеют и антонимичные отношения, с которыми правильно соотнесена одна связка из трех («бодрость – вялость») и ошибочно связка «физика – наука»: «Свет – чувство бодрости, темнота – вялость. И это наука – физика: состояние света и тьмы». К синонимичным связкам, к которым приписываются связь часть – целое («глава – роман») и каузальные отношения («испуг – бегство»), даны следующие пояснения: «Боится врага, бежит от неприятеля, так и в романах».

В выборке интернет-пользователей один из примеров паралогичных рассуждений скорее приближается к мини-рассказам (мужчина, 45 лет). К паре «овца – стадо» приписаны пары «испуг – бегство» («Овцы испугались и убежали») и «покой – движение» («До испуга овцы были в покое, потом побежали»). Со связкой «малина – ягода» соотносятся «грядка – огород» («Малина растет в огороде, на грядке) и «праздность – безделье» («Малина не будет сама расти, если праздно сидеть»). В установлении антонимичных отношений («свет – темнота») присутствуют правильные и ошибочные ответы, однако рассуждения не имеют рациональный характер: «Кто-то бережливо экономит свет» (объяснения для выбора пары «бережливость – скупость»); «При свете бодрость, в темноте – вялость» (связка «бодрость – вялость»); «При свете все в движении. В темноте спят» (пара «покой – движение»).

Оценка статистической значимости различий в правильности установления логических связей показала их достоверность ($U=286,5$, $p<0,01$). Такой же значимости различия были получены и при расщеплении выборок пополам: $U=63$ и $U=78,5$ (при $U_{крит}=192$ для $p<0,01$ и $U_{крит}=227$ для $p<0,05$ $n=25$).

Дисперсионный анализ подтвердил нулевую гипотезу о случайности индивидуальных различий между испытуемыми: $F=8,45$ для выборки читателей и $F=2,85$ для выборки интернет-пользователей (при $F_{крит}=9,06$ для $df=5$ и $n=300$, т. е. для шести видов логических отношений в группе 50 человек).

В итоге корреляционного анализа не установлены значимые связи между возрастом участников исследования и допущенными ими ошибками: $r=0,198$ в группе читателей и $r=0,116$ в группе взрослых активных интернет-пользователей при $r_{крит}=0,27$ для $p<0,05$.

Считается, что норма выполнения методики составляет от 5 и выше правильных ответов [11, с. 345]. Однако некоторые исследователи полагают, что даже 10 – это очень мало, определяя средневысокий уровень выполнения методики в диапазоне от 12 до 16,5 [12] Для расчета коэффициента деформации использована медиана указанного диапазона – 14. В таблице 2 представлены результаты расчетов, опирающиеся только на ошибки, содержательно состоящие в приписывании неправильной логической связи.

Таблица 2 – Расчет коэффициента деформации

Группа	Σ	M	Коэффициент деформации
Читатели	748	14,96	0,93
Интернет-пользователи	549	10,98	1,27

Результаты расчетов свидетельствуют о том, что в группе активных интернет-пользователей, в отличие от читателей, наблюдается снижение правильности аб-

страктных и логических умозаключений по сравнению с гипотетическим «доцифровым» человеком.

В итоге кластеризации в группе читателей установлено два кластера, в выборке интернет-пользователей – 3. В таблице 3 отражены усредненные данные о нарушениях понимания логических отношений и коэффициент деформации для каждого кластера. Рядом с номером кластера указано количество взрослых, данные которых образовали определенный кластер.

Таблица 3 – Данные кластеризации

	Читатели		Интернет-пользователи		
	1 (n=13)	2 (n=37)	1 (n=18)	2 (n=11)	3 (n=21)
Овца – стадо	2,23	0,4	2,47	4,9	1,86
Малина – ягода	2,53	0,62	3,0	4,54	1,31
Море – океан	2,53	1,62	3,29	4,36	3,18
Свет – темнота	1,23	0,62	2,76	4,81	0,95
Отравление – смерть	1,23	0,64	2,52	3,54	1,13
Враг – неприятель	3,61	0,97	4,7	5,9	2,04
Σ	13,38	4,91	18,76	28,18	10,45
Коэффициент деформации	0,95	0,35	1,34	2,01	0,74

Результаты кластеризации в выборке читателей, согласно данным таблицы 3, обнаруживают два типа логических рассуждений, которые можно обозначить как правильные (1 кластер) и очень правильные (2 кластер). При этом доминирующим по количеству лиц, демонстрирующих высокую абстрактность и логичность мышления, выступает именно второй тип ($\varphi=3,1$, $p<0,01$).

В выборке интернет-пользователей также выявлена группа, у представителей которой не фиксируется нарушений логичности рассуждений (3 кластер). Однако численность этой группы существенно ниже, чем тех групп, у представителей которых коэффициент деформации превышает единицу ($\varphi=2,72$, $p<0,01$). Половой состав групп, данные которых образовали разные кластеры, можно считать идентичным, а именно: 1 кластер – 9 мужчин и 9 женщин, 2 кластер – 8 мужчин и 3 женщины ($\varphi=1,4$, $p>0,05$), 3 кластер – 6 мужчин и 15 женщин ($\varphi=1,79$, $p<0,05$). Таким образом, можно говорить о большей логичности рассуждений женщин только на уровне тенденции.

Анализ профилей ошибок в 1 и 2 кластерах в выборке интернет-пользователей показывает, что они отличаются по двум параметрам.

Первый – это степень выраженности нарушений, которые можно считать достоверно различной ($U=3$, при $U_{крит}=3$ для $p\leq 0,01$ для $n=6$). Вторым параметром – это равномерность распределения ошибок, допущенных для разного вида логических связей. В первом кластере эти ошибки являются такими же разнородными, как и в других группах (т. е. лучше определяются антонимичные и каузальные отношения, хуже – количественные и синонимичные). Во втором кластере они являются фактически одинаково выраженными для разных видов логических связей, при этом наблюдается своеобразный пик нарушений понимания синонимов.

Таким образом, можно говорить о том, что деформации абстрактности и логичности рассуждений не фиксируются у читателей, но обнаруживаются у статистического большинства интернет-пользователей, независимо от их пола. Деформации представлены двумя типами: «снижение правильности логических рассуждений» (коэффициент деформации 1,37) и «существенное ухудшение логики рассуждений с доминированием нарушений понимания синонимичных связей» (коэффициент деформации 2).

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие основные заключения.

1. Полученные квазиэкспериментальные данные подтвердили верность высказанной гипотезы о наличии негативного эффекта влияния активных интернет-практик на логическое мышление взрослых. Этот деформирующий эффект нельзя объяснить индивидуальными различиями и возрастом активных интернет-пользователей.

2. Деформирующий эффект может иметь разную степень выраженности и содержание. Меньший эффект обнаруживается в общем снижении логичности рассуждений, а больший проявляется в пиковом нарушении понимания синонимичных отношений.

3. Существенно большая правильность логических заключений тех взрослых, которые не отказываются от печатного чтения, несмотря на то, что являются интернет-пользователями, позволяет говорить о том, что именно такое чтение является действенной мерой по предупреждению когнитивных деформаций.

Список использованных источников:

1. Богачева, Н. В. Мифы о «поколении Z» / Н. В. Богачева, Е. В. Спивак. – М. : НИУ ВШЭ, 2019. – 64 с.
2. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г. У. Солдатова и др. – М. : Акрополь, 2022. – 356 с.
3. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
4. Блейхер, Б. М. Клиническая патопсихология / Б. М. Блейхер. – Ташкент : Медицина УзССР, 1976. – 326 с. с. 8
5. Рубинштейн, С. Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике : практ. рук. / С. Я. Рубинштейн. – М. : Апрель-Пресс : Изд-во Ин-та психотерапии, 2004. – 224 с.
6. Судаков, С. А. Кластерный анализ в психиатрии и клинической психологии / С. А. Судаков. – М. : Мед. инф. агентство, 2010. – 160 с.
7. Савченко, Т.Н. Применение методов кластерного анализа для обработки данных психологических исследований / Т. Н. Савченко // Экспериментальная психология. – 2010. – Т. 3, № 2. – С. 67–86.
8. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 27. – С. 296–299.
9. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2002. – 781 с.
10. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб. : «Искусство – СПб.», 2004. – С. 12–148.

11. Психологические тесты / сост. С. А. Касьянов. – М. : ЭКСМО, 2006. – 608 с.

12. Бережковская, Е. Л. Проблема психологической адаптации подростков при переходе из школы в профессиональный колледж [Электронный ресурс] / Е. Л. Бережковская // Организационная психолингвистика. – 2021. – Режим доступа: psycholinguistic.ru/onii-nauchnii-shynal. Дата доступа: 21.10.

7. Наумчик В. Н., д. пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой общей и
профессиональной педагогики
УО «Республиканский институт
профессионального образования»
(г. Минск, Республика Беларусь)

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ПАМЯТЬ НАРОДА

Аннотация. В статье проанализирована популярность русского языка в мире. Подчеркивается, что русский язык раскрывает внутренний мир русских, их менталитет, культуру, историю. Это мост для налаживания добрососедских отношений между народами. Рассмотрены отдельные слова, несущие глубинную информацию о ценностях народа. Русский язык – национальная гордость русских, инструмент единения славянских народов.

Ключевые слова: русский язык, кириллица, перезагрузка, язык как инструмент человечества, язык как национальная гордость.

NAUMCHIK V. N., Doctor of Pedagogical
Sciences, Professor, Head of the Department
of General and Professional Pedagogy
Educational institution "Republican Institute
of Vocational Education"
(Minsk, Republic of Belarus)

RUSSIAN LANGUAGE AS MEMORY OF THE PEOPLE

Annotation. The article analyzes the popularity of the Russian language in the world. It is emphasized that the Russian language reveals the inner world of Russians,